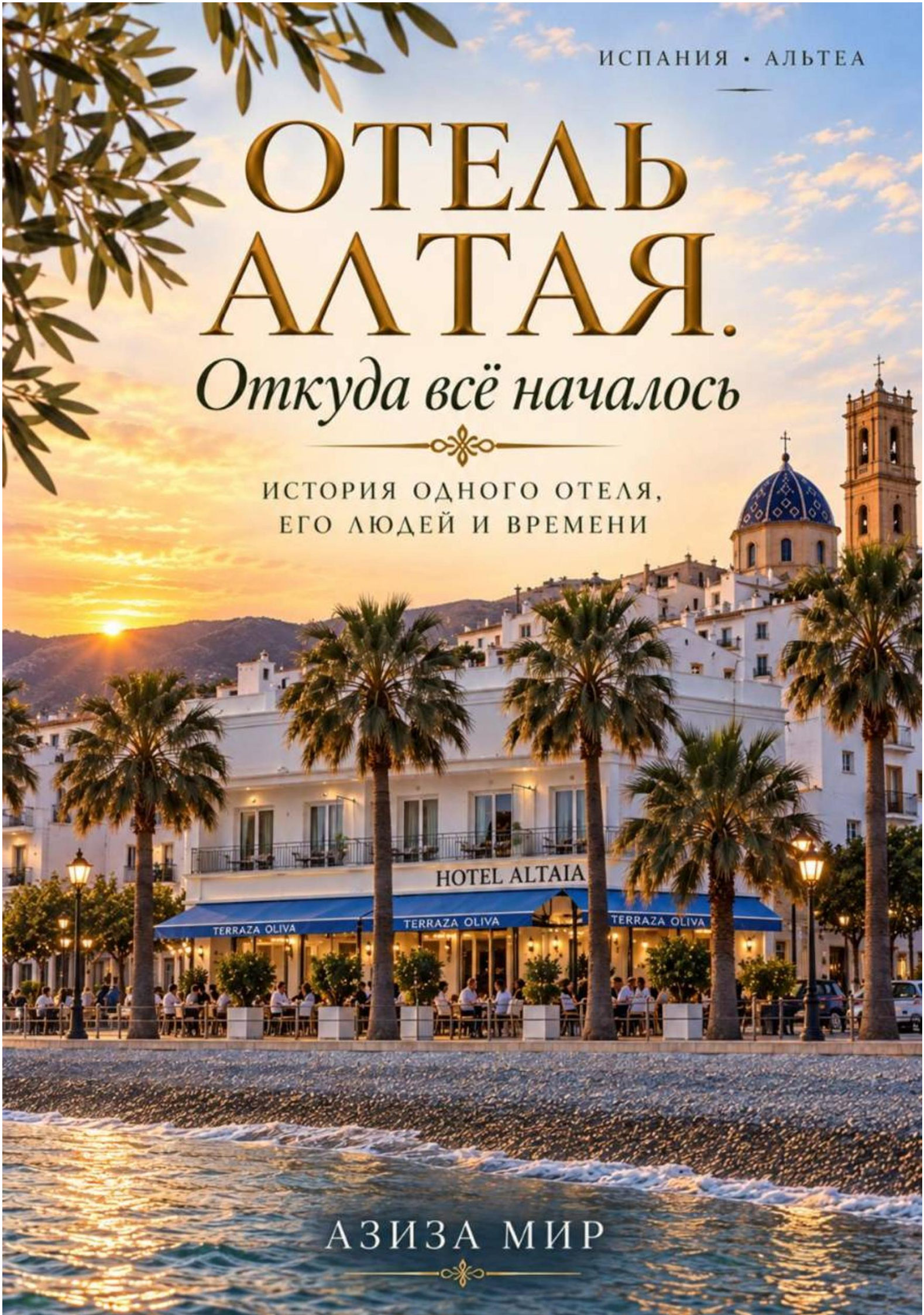
ИСПАНИЯ • АЛЬТЕА

ОТЕЛЬ АЛТАЯ.

Откуда всё началось

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОТЕЛЯ,
ЕГО ЛЮДЕЙ И ВРЕМЕНИ



АЗИЗА МИР

Азиза Мир

Отель Алтая. Откуда все началось

«Автор»
2026

Мир А.

Отель Алтая. Откуда все началось / А. Мир — «Автор», 2026

Когда дом превращается в красивую, но слишком тихую крепость, а за окном поселяется серый ноябрь, который, кажется, решил остаться навсегда, однажды утром можно просто взять детей и улететь в Испанию - без плана, на поиски солнца и самой себя. Случайная встреча с уличным художником в лабиринте барселонских улочек меняет всё, потому что именно он рассказывает о крошечном белом городке Альтеа у самого моря, где в старом отеле с синими ставнями хранится история, способная перевернуть жизнь...

© Мир А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Москва. Акварель, размытая дождем 5
Глава 1: Барселона. Намек на чудо 8
Глава 2: Первый вздох отеля 18
Глава 3: Утро, вплетенное в свет 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Азиза Мир
Отель Алтая. Откуда все началось

Пролог: Москва. Акварель, размытая дождем

Бывают дни, когда кажется – сама Вселенная решила замедлить ход. В такие моменты время течет по стеклу мокрыми дорожками, капля за каплей, минута за минутой. Сегодня – один из тех дней. За окном ноябрь. Не тот яркий, резкий ноябрь с первым искристым инеем, а тот, что приходит после – уставший, выдохшийся, серый до самой своей изнанки.

Я стою у окна и наблюдаю, как дождь рисует на стекле причудливые узоры. Он начался еще ночью и, кажется, решил остаться навсегда. Эта влага пронизывает всё – воздух, землю, мысли. Она оседает на душе холодной росой, и никакое отопление, никакой плед не могут согреть эту внутреннюю прохладу.

Наш дом – большая, красивая, безупречно обустроенная крепость. Мы строили её с Тедом, подбирали каждый оттенок обоев, каждый предмет мебели. Здесь всё дышит уютом, теплом, заботой. Дорогие ковры, мягкий свет бра, пахнущий древесиной паркет. Но последнее время я ловлю себя на мысли, что уют – это не про вещи. Это про звуки, наполняющие пространство. А наш дом в одно мгновение стал каким-то слишком тихим.

Лишь из-за двери комнаты доносится мерный, почти механический стук клавиатуры, что разрушает эту звенящую тишину. Это Азиз – мой шестнадцатилетний сын, я смотрю на него украдкой, тот сосредоточен, ушел в свой цифровой мир с головой.

Иногда мне кажется, что между нами медленно, но верно возводится невидимая стена – стена из его взросления, моих тревог и вечного ожидания. Он уже не тот мальчик, что доверчиво клал свою ладонь в мою. Теперь его мир – это экран, наушники, тихие диалоги с друзьями из других часовых поясов. Я ловлю его взгляд иногда – умный, серьезный, чуть отстраненный. И сердце сжимается от щемящей нежности и легкого укола одиночества.

А потом ко мне подбегает Сафина, рассказывая, что произошло у неё за день. Мой шестилетний лучик, мой вечный двигатель. Её сон поддерживает эту идеальную, выверенную тишину, но когда она просыпается, квартира наполняется грохотом, смехом, вопросами, на которые у меня нет ответов. Она раскидывает игрушки с энергией урагана, её смех звенит, как колокольчик, разбивая хмурую московскую мглу. Сафина – живое, трепетное напоминание о том, что жизнь – это движение, энергия, свет. Она заставляет меня возвращаться в реальность, цепляться за неё, как за якорь.

И есть он, Тед. Его присутствие в этом доме стало призрачным. Он оставляет после себя следы – разряженный ноутбук, смятую газету, запах дорогого парфюма в прихожей. Но самого его нет. Его жизнь проходит где-то там, за пределами этой квартиры – в аэропортах, переговорных, гостиничных номерах. Его голос в трубке стал привычнее, чем живое присутствие. Его «скоро вернусь» растянулось в нашем личном времени в неопределённость.

Сегодня утром пришло сообщение: «Выезжаю на объект. Связь будет неустойчивой. Целую». Я перечитала эти строки десятки раз, пытаясь разглядеть между ними что-то ещё – тоску, сожаление, хоть что-то. Но это просто слова на экране. Сухие, деловые, безжизненные.

Я подхожу к столу, где стоит наша семейная фотография. Мы все вместе, улыбаемся, обнявшись. Это было два года назад на Кипре. Солнце, море, счастье. Теперь эта фотография выглядит как артефакт из другой, параллельной жизни. Я провожу пальцем по пыли на рамке. Эта пыль – лучший свидетель нашего нынешнего бытия. Она тихо, медленно оседает на все предметы, на все наши «когда-нибудь» и «обязательно».

За окном начинает смеркаться. Фонари зажигаются, и их свет, преломляясь в миллионах капель, превращает улицу в гигантское, размытое полотно. Влажный воздух просачивается сквозь щели, он плотный, тяжелый, им трудно дышать. Он заполняет легкие, наполняя их странной смесью грусти и апатии.

И вдруг, посреди этой серой, тягучей безысходности, во мне рождается мысль. Ясная, четкая, как удар колокола.

Довольно!

Это не было спонтанным решением. Оно зрело во мне долго, месяцами, как подземный росток, пробивающийся к свету сквозь толщу земли. Его питали одинокие вечера, вопросительные взгляды детей, пустота по правую руку от меня в постели.

Я подхожу к комнате Азиза. Он, почувствовав, что теперь находится не один, снимает наушники, вопросительно изгибая бровь, будто видя мои размышления.

– Сынок, – говорю я, и голос мой звучит чуть хрипло. – А помнишь море на Кипре? Тот запах? То ощущение?

Он медленно кивает, в его взгляде просыпается интерес.

– А что, если мы поедем хотя бы на недельку туда, где всегда очень тепло?

– Ты опять на Кипр хочешь что ли? – отвлекаясь в очередной раз на компьютер.

– В Испанию, мне кажется, что это очень хорошая идея. Что думаешь?

– Ну да, от этого дождя у меня скоро разовьётся депрессия, – тихо хмыкнув, заключает он.

– Тогда полетели? – ожидая поддержки моей идеи.

В уголках его губ дрогнула улыбка. Небольшая, почти неуловимая, но настоящая.

– Серьёзно?

– Абсолютно, – выдыхаю я.

В этот момент из своей комнаты выходит Сафина, вся помятая, с взъерошенными волосами.

– Куда мы едем? – сразу же спрашивает она, цепляясь за мою ногу.

– К солнцу, рыбка моя, – глажу я её по голове. – Мы едем к солнцу.

Я возвращаюсь к окну. Дождь всё так же стучит. Но теперь его стук – это не плач. Это барабанная дробь. Саундтрек к нашему бегству туда, где станет немного светлее. Ритм, отбивающий такт нового начала.

Мне оставалось лишь сообщить мужу, что мы с детьми улетим на неделю в Барселону – посмотреть на красоты шумного города, в котором я хочу попытаться найти своё спокойствие.

Отправив короткое смс, чтобы не отвлекать его от работы, я почти молниеносно получила в ответ короткое, но такое тёплое: "Хорошо вам отдохнуть, дорогая". Захотелось улыбаться даже от такой мелочи и пофантазировать о том, что в это путешествие мы отправились все вместе.

Сафина в это время успела забраться мне на руки и опять провалиться в сон. Стоя в своей комнате с дочкой на руках, я смотрю на наше отражение в тёмном стекле. Две хрупкие фигуры в огромной, светлой, пустой квартире, которые ещё не знали, с каким волшебством им придётся столкнуться.

Мы едем. Потому что иногда, чтобы спасти свой мир, нужно иметь смелость из него уехать.

Глава 1: Барселона. Намек на чудо

Сборы были неспешными. Каждая складочка на платьях, каждая аккуратно свернутая футболка была заговором против московской холодной хандры. Я гладила вещи, и пар утюга смешивался с моими мыслями – тревожными, но полными решимости. Азиз молча складывал свой рюкзак, и я видела, как он трижды перепроверяет зарядки, проводки, Power Bank. В его молчаливой сосредоточенности читалось какое-то внутреннее предчувствие, что мы летим не просто в туристическую поездку, а проходим в тоннель некого жизненного перехода. Даже Сафина, обычно непоседливая, сидела на полу и с серьезным видом раскладывала своих кукол по прозрачным пакетам.

– Эту возьмем? Она же любит путешествовать, – говорила она, показывая на потрепанную Барби в соломенной шляпке.

– Конечно, возьмем, – отвечала я, улыбаясь.

В такси до аэропорта Сафина прилипла к окну, а Азиз надел наушники, но музыку не включал – просто смотрел на уходящие за окном знакомые, до боли родные, но такие унылые пейзажи. Шереметьево встретило нас суетой и гомоном. Запах кофе, звуки объявлений на разных языках, бесконечный поток людей с чемоданами – всё это создавало ощущение причастности к чему-то большому, вселенскому. Мы были частью этого потока, этой вечной миграции душ.

– Мам, а мы точно всё взяли? Паспорта там, телефоны, карты? – впервые за весь день забеспокоился Азиз, когда мы стояли на эскалаторе.

– Всё, сынок. Самое главное – мы точно взяли нас самих.

Самолет – это особая реальность. Подвешенное состояние между «было» и «будет». Когда мы оторвались от земли, я инстинктивно сжала подлокотники не от страха, а от предвкушения перед таким желанным путешествием. Сафина ахнула и прижалась ко мне. Сын смотрел в иллюминатор, и я видела, как в его зрачках уплывает вниз, уменьшаясь до игрушечного, наш город, наша прежняя жизнь.

– Прощай, дождик, – прошептала Сафина, и ее слова прозвучали как заклинание.

А потом был шум двигателей, разноцветные карты полета на экране, бесконечные облака за окном, то похожие на вату, то на горные хребты. Мы летели сквозь время и пространство, оставляя за хвостом самолета груз прошлого.

И вот он – первый вздох Барселоны. Воздух ударил в лицо, как только мы вышли из здания аэропорта. Он был плотным, насыщенным, вибрирующим. В нем чувствовалась влажная прохлада моря, сладковатая дымка откуда-то с гор, аромат цветущих растений, которые я не могла опознать. И свет… Боже, этот свет! Он был не просто ярким. Он был плотным, почти осязаемым, он обволакивал, как теплый мед, заливал все вокруг, делая краски сочными, глубокими, почти кричащими. Даже асфальт блестел по-особенному, а белые стены зданий слепили глаза.

Наш отель на Рамблас оказался именно таким, каким я его представляла – шумным, немного театральным, с ажурными балкончиками и вечно гудящим лифтом. Мы бросили вещи в номере и, не в силах усидеть на месте, выплеснулись на улицу.

Рамблас напомнил мне шумную реку, состоящую из шебутных людей. Бурлящая, разноцветная, поющая. Мы дали себя унести ее течению. Сафина неистово тянула меня то к одной, то к другой витрине магазинчиков, что встретили нас почти сразу, как только мы приземлились. Её восторженные крики тонули в общем гуле.

– Мама, смотри! Птицы огромные! – она показывала на стаю чаек, дерущихся за крошки у лотка с хурмой.

– А это кто? Король? – ее поразил живой памятник – человек в костюме испанского гранда, застывший в величественной позе.

Азиз шел рядом, и его лицо постепенно менялось. Сначала он смотрел на все с привычной подростковой отстраненностью, но постепенно его маска растаяла. Он улыбался, глядя на уличных артистов, жонглирующих огнем, смеялся, когда на него пытался надеть цветочный венок зазывала с лотка.

– Ничего себе энергия, – сказал он, и в его голосе звучало настоящее, неподдельное изумление. – Здесь все живут, как в последний день.

Мы ели чуррос, обмакивая их в густой шоколад, пили свежевыжатый апельсиновый сок, купили Сафине огромную воздушную кукурузу. Барселона входила в нас через все поры – через глаза, уши, вкусовые рецепторы. Она была громкой, яркой, настойчивой, как увертюра к грандиозной опере.

Но к вечеру, когда первые восторги немного поутихли, меня потянуло в сторону от этого парадного блеска. Интуиция, тот самый внутренний голос, что привел меня сюда, шептал: «Иди глубже, Азиза. Иди туда, где бьется настоящее сердце города».

Так мы оказались в Пасео-де-Грассия. Это было похоже на переход из концертного зала в уютную гостиную, где играют камерную музыку. Шум Рамблас остался где-то позади, его сменила приглушенная, но насыщенная жизнь. Узкие, извилистые улочки, где можно было коснуться стен обеими руками. Казалось, сама атмосфера здесь была иной – более теплой, более камерной, более творческой.

Каждый дом здесь был личностью. Один – выкрашенный в терракотовый цвет, с резными деревянными ставнями. Другой – ослепительно белый, с дверью цвета ультрамарина, от которой невозможно было отвести глаз. Третий – весь увитый плющом, сквозь который пробивались розовые бутоны каких-то цветов. А стены… Стены здесь были не просто элементами зданий, они были холстами.

Огромные, в несколько этажей, фрески – то сюрреалистичные лица, то летящие птицы, то абстрактные композиции, взрывающиеся цветом. Мы шли медленно, и я чувствовала, как город говорит со мной на языке красок и форм.

– Мам, посмотри, как тут красиво, – сказал Азиз, остановившись перед граффити, изображавшим девочку, запускающую в небо бумажный кораблик

Я кивнула, с трудом находя слова. В Москве я бы прошла мимо, спеша по делам. Здесь же хотелось стоять и впитывать.

Мы забрели на маленькую, скрытую от чужих глаз площадь. Ее можно было легко пропустить, пройдя по узкому переулку. Мощение под ногами было старым, неровным. В центре – небольшой фонтан в виде каменной чаши, из которой сочилась вода, создавая гипнотический, умиротворяющий звук. На площади стояло несколько мольбертов. Возле одного из них, спиной к нам, работал человек.

Мы приостановились, не желая мешать. Художник был погружен в свой мир. Он что-то подрисовывал на холсте, потом отступал на шаг, смотрел прищуренными глазами, снова подходил. На холсте был тот самый переулок, по которому мы только что шли, но преображенный. Краски были ярче, светлее, в них было больше золота, больше радости. Он не копировал реальность, а творил свою, более совершенную.

Сафина, не в силах сдержать любопытства, подошла ближе и, заложив руки за спину, уставилась на картину. Художник заметил ее и улыбнулся. Улыбка мгновенно преобразила его лицо, покрытое сеточкой морщин, сделав его бесконечно добрым и мудрым.

– Понравилась? – спросил он по-испански, его голос был низким, бархатистым.

Я сделала шаг вперед, собираясь извиниться, но Сафина, не понимая слов, радостно кивнула.

– Красиво! – сказала она по-русски.

Художник поднял на меня взгляд. Его глаза были цвета темного меда, и в них светился живой интерес.

– Ох, вы говорите по-русски? – он перешел на ломаный, но вполне понятный английский. – У вашей дочки отличный вкус, это моя любимая картина, – улыбаясь, старичок посмотрел мне прямо в глаза.

– Простите за беспокойство, – сказала я. – Она просто очень любопытная.

– Не переживайте, пусть любуется, – он махнул кистью. – Модель должна ценить свою аудиторию. Даже если она уличная. – Он снова улыбнулся. – Я, кстати говоря, Антонио.

Я тоже представилась. Разговор завязался легко и непринужденно, как будто с этим старичком мы были старыми знакомыми, случайно встретившимися в этом укромном уголке Барселоны. Мы говорили о свете, о том, как он меняет город в разное время суток.

– Утром он серебристый и прохладный, – говорил Антонио, размахивая кистью. – Днем – золотой и наглый. А вечером… а вечером он становится бархатным, томным. Он ложится на камни, как старый кот.

Азиз, к моему удивлению, вдруг спросил:

– А вам не кажется, что вы рисуете не то, что видите, а то, что чувствуете? Цвета такие… идеальные.

Антонио повернулся к нему, и его взгляд стал еще внимательнее.

– Ах, у вас растёт маленький философ! – он рассмеялся. – Мой мальчик, ты абсолютно прав. Камера фиксирует то, что есть в действительности. Художник же то, что могло бы быть. То, что должно быть. Я рисую настоящую душу улицы, её память и её мечту.

Он помолчал, глядя на свою работу, потом на меня, с моим, вероятно, слишком серьезным и уставшим лицом, на Азиза с его пытливым взглядом, на Сафину, которая теперь пыталась повторить позу каменной нимфы из фонтана.

– Вы не похожи на туристов, что приходят сюда каждый день, – сказал он задумчиво. – Вы будто не просто смотрите, а что-то ищите. Я вижу это в ваших глазах.

Его слова попали точно в цель. Я почувствовала, как внутри что-то сжимается.

– Мы… ищем, – подтвердила я, глядя куда-то поверх его головы, на розовеющее небо между крышами. – Свежего воздуха и отдыха. Здесь хоть и шумно, но так прекрасно. Мы ищем место, где душа просто сможет отдышаться.

Антонио медленно кивнул, как будто получил подтверждение своей догадке. Он отложил палитру и кисти, вытер руки о тряпицу, испачканную в краске всех цветов радуги.

– Послушайте меня, – сказал он, и его голос стал тише, доверительнее. – Барселона… это великолепная, громкая, красивая опера. Она - Кармен, она - тореадор, она - огонь и страсть. Она заставляет ваше сердце биться быстрее. Но… – он сделал паузу, подбирая слова, – услышать шепот собственной души… для этого нужно другое место. Колыбельная, а не опера.

Он обвел нас взглядом, словно взвешивая, готовы ли мы услышать то, что он скажет.

– Вам нужна не Барселона, а маленький город Altea. – Он произнес это название с такой нежностью и теплотой, что по моей коже побежали мурашки. – Это совсем маленький городок на берегу моря. Весь белый, как кусочек сахара. С синими-синими куполами церквей. Воздух там… пахнет солью, жасмином и временем. Время течет будто медленнее. Слышно, как растут апельсины, и тишина звенящая. Люди там улыбаются глазами, а не только губами. Одним словом – сказка для уединения.

Я слушала, будто завороженная. Altea. Это название отзывалось в какой-то глубочайшей части моей души.

– А где… где там можно остановиться? – спросила я, и мой голос прозвучал сипло.

Антонио снова улыбнулся, и в его глазах заплясали озорные, почти мальчишеские искорки.

– Ох, есть там одно местечко... – сказал он таинственно. – Отель с самой волшебной историей. Моей любимой, между прочим, – он по-доброму рассмеялся, смачивая подсохшую в краске кисть водой.

– Что же там за история? – не удержался Азиз, и в его голосе звучало неподдельное любопытство. Даже Сафина перестала смотреть по сторонам и внимательно глянула на старика.

Но Антонио покачал головой, подняв палец, словно останавливая нас.

– Нет, нет, я не смогу рассказать вам. – Он покачал головой. – Я художник. Я могу написать ваш портрет, пейзаж. Но эта история... Я не могу рассказать ее лучше, чем они.

– Они? – переспросила я.

– Те, кто хранят его. Люди, работающие в этом отеле. Они и есть стены, сердце и душа этого места. Они сами вам расскажут… если почувствуют, что ваше сердце готово принять чудо.

Он взял тонкую кисть, обмакнул ее в темно-синюю краску и на чистом уголке своего холста, рядом с изображением улочки, вывел изящные буквы: «Altea». А ниже, еще более мелко: «Altaia».

– Вот название. Спросите любого местного, он поймёт.

Мы стояли на площади, а солнце уже почти скрылось, окрашивая небо в персиковые, лиловые и золотые тона. Фонари зажглись, отбрасывая теплые круги света на брусчатку. Где-то вдали еще гудела Барселона, но здесь, в Пасео-де-Грассия, воцарилась тихая, торжественная вечерняя прохлада. И в моей душе тоже воцарилась тишина. Глубокая, ясная, полная.

Я посмотрела на своих детей. Азиз смотрел на меня, и в его взгляде я читала не вопрос, а нечто большее – доверие. Одобрение. Сафина дернула меня за руку и прошептала, ее глаза сияли в сумерках:

– Мама, мы поедем? В этот белый город? К чуду?

Я взяла их за руки. Крепко, уверенно. Одну – сильную, почти мужскую руку сына. Другую – маленькую, теплую ладошку дочери.

– Да, – сказала я, и это слово прозвучало как обещание. – Мы едем в Altea.

Слова Антонио висели в воздухе, словно заряженные магией. «Altea... История о чуде», – они звенели во мне настойчивым, неумолимым колокольчиком, заглушая даже отдаленный гул города. Я стояла на площади, держа за руки детей, и чувствовала, как все внутри меня перестраивается, выстраивается в четкую линию, стрелку компаса, недвусмысленно указывающую на юго-восточное направление – туда, к белому городу у моря.

Я встретилась взглядом с Азизом. В его глазах читалось не просто любопытство, а азарт. Тот самый огонек, которого мне так не хватало в московские вечера.

– Мам, – сказал он без тени сомнения. – Мы же поедем? Прямо сейчас?

Сафина, уловив настроение, запрыгала на месте.

– Ура! Поедем к чуду! Поедем к чуду!

Решение созрело мгновенно, как вспышка. Оно было безумным, спонтанным, абсолютно иррациональным. И оттого – единственно верным.

– Поедем, – сказала я, и само звучание этого слова придало мне сил. – Прямо сейчас.

Мы почти бежали обратно по лабиринту Грасии. Теперь ее улочки казались не просто живописными, а наполненными особым смыслом, словно они были частью квеста, ведущего нас к цели. Огни в окнах, смех из кафе, тени на старых стенах – все это было фоном нашего нового, стремительного путешествия. Дети не шли, а летели рядом, их лица сияли. Это было то самое приключение, которого так не хватало в нашей размеренной, предсказуемой жизни.

Войдя в номер отеля, в котором мы успели остановиться утром, увидели его иными глазами. Вещи, которые не успели как следует распаковать, лежали в чемоданах и на полках, создавая ощущение временности, мимолетности. Теперь это было не досадной небрежностью, а символическим знаком. Мы здесь – проездом. Наша настоящая цель ждет впереди.

– Собираем все! Быстро-быстро! – скомандовала я, и в моем голосе звучала давно забытая бодрость.

Мы превратились в слаженный экипаж. Азиз ловко упаковывал свои гаджеты и книги, я снова складывала вещи в чемоданы, а Сафина с серьезным видом собирала свои игрушки, приговаривая:

– Не бойтесь, мы едем в хорошее место. Там вам будет лучше, чем здесь.

Через двадцать минут наши чемоданы стояли у двери. Комната снова приобрела стерильный, безличный вид гостиничного номера. Мы покидали ее, почти не оставив следов.

Спустившись на ресепшен, я подошла к стойке, где дежурила та же улыбчивая девушка, что заселяла нас несколькими часами ранее.

– Buenos tardes, señora! Чем могу помочь? – спросила она.

– Нам нужно срочно выписаться, – сказала я, чувствуя легкую неловкость. – Мы уезжаем.

Девушка подняла брови, ее вежливая улыбка дрогнула от удивления.

– Уезжаете? Прямо сейчас? Но вы заселились только сегодня утром! – Она заглянула в компьютер. – У вас забронировано еще шесть ночей. Что-то случилось? Вас что-то не устроило? – В ее голосе прозвучала искренняя озабоченность.

– Нет-нет! – поспешила я ее успокоить. – Все было прекрасно. Просто… – я запнулась, понимая, насколько безумно прозвучат мои следующие слова. – Нам рассказали об одном

месте. Не здесь, в Барселоне. В Altea, там оказывается есть отель… с одной историей. И мы поняли, что должны поехать туда. Прямо сейчас.

Я произнесла это, глядя ей прямо в глаза, и, к моему удивлению, не увидела в них насмешки или непонимания. Напротив, ее взгляд прояснился, а на губах появилась новая, совсем иная улыбка – не служебная, а заинтересованная, почти мечтательная.

– Не слышала об этом месте раньше. А кто вам посоветовал его? – она вздохнула, и в этом читалось любопытство и желание оставить гостей.

– Мы уже успели побывать на вашей самой творческой улочке, и там как-то совершенно случайно нам встретился художник. Он и посоветовал...

– Ну тогда всё понятно, – улыбнулась она, – эти творческие люди всю жизнь странствуют в поисках вдохновения. Если он посоветовал вам определённое место, значит там есть что-то действительно стоящее.

– Очень на это надеемся, – воскликнула я.

– Жаль, конечно, что вы не задержитесь у нас, хотя бы ещё на пару деньков, но очень надеюсь, что вы прекрасно проведёте время в оставшиеся дни отпуска!

Она принялась быстро щелкать клавишами, аннулируя наше бронирование.

– Я вам завидую, – тихо добавила она, поднимая на меня глаза. – По-хорошему, у меня одни рабочие будни. Даже в своей родной стране многого не видела... Желаю вам найти там то, что ищете.

И опять эти слова про поиск. Они внутри почему-то вызывали мурашки, воспринимаясь чем-то особенным.

– Спасибо, – ответила я, и это «спасибо» было переполнено искренней благодарностью. Ее понимание стало для меня последним подтверждением правильности нашего безумного поступка.

Мы выкатили чемоданы на залитый вечерними огнями тротуар Рамблас. Воздух по-прежнему был густ и звонок, но теперь Барселона казалась мне не конечной точкой, а лишь ярким, шумным перевалочным пунктом. Мы сразу же направились на вокзал Sants, чтобы сначала добраться до Аликанте, а затем уже на месте определиться с тем, как доехать до Altea. Спустя пять с половиной часов, за которые мы успели поболтать, почитать книги и еще сделать массу всего, оказавшись в Аликанте – поймали такси. Водитель, бойко затащив багаж в машину, спросил:

– Аэропорт?

– Нет, – ответила я, садясь в салон и прижимая к себе засыпающую от усталости, но счастливую Сафину. Азиз устроился рядом, и я видела, как он смотрит на ночной город с новым выражением – не пассивного наблюдателя, а участника событий. – Мы едем на юг. В Altea.

Такси тронулось, и мы понеслись по ночным улицам, оставляя за спиной огни громкой оперы. Впереди, в бархатной тьме, нас ждал шепот. Шепот маленького белого города, где время текло медленнее, где звенела тишина и где стены одного старого отеля хранили историю, способную изменить жизнь. Мы не знали, что нас ждет. Мы просто ехали навстречу чуду.

– В Altea? – водитель такси, грузный мужчина с добрыми глазами, удивлённо поднял брови, глядя на меня в зеркало заднего вида. – Сейчас? Ночь на носу, сеньора. Это далековато.

– Мы знаем, – твёрдо ответила я, чувствуя, как Сафина устраивается поудобнее, положив голову мне на колени. – Но очень хотим именно сегодня.

Сафина, прижавшись лбом к прохладному стеклу, добавила, не отрывая взгляда от мелькающих огней:

– Мы едем за чудом.

Водитель тихо хмыкнул, но не стал больше расспрашивать. Двигатель мягко заурчал, и такси плавно тронулось, растворяясь в потоке машин. Аликанте медленно проплывала за окном – вот сверкнула огнями Саграда Фамилия, вот промелькнули тёмные силуэты пальм, вот остались позади шумные толпы на площадях.

– Мам, – тихо сказал Азиз, глядя в окно. – А ведь мы могли бы сейчас сидеть в номере и смотреть телевизор. А вместо этого... мы едем в ночь. В неизвестность, будто прямо какие-то герои фильма, – хмыкнул он.

В его голосе звучало не страх, а подростковое восхищение перед приключением. Я положила руку ему на плечо.

– Иногда фильмы снимаются не для просмотра, сынок, а для того, чтобы жить по ним. .

Сафина что-то прошептала сквозь сон, и я поймала обрывки фраз: «...белый город... летающие рыбки...» Я улыбнулась, гладя её мягкие волосы. Она уже видела это во сне.

– А что, если этот отель... не такой, как нам рассказали? – задумчиво спросил Азиз, поворачиваясь ко мне. Его лицо в полумраке салона казалось взрослым и серьёзным.

– Тогда, – ответила я, глядя в тёмное полотно дороги впереди, – у нас останется воспоминания о дороге. Разве это не здорово, что мы решили устроить себе такое приключение?

Он задумался, а потом медленно кивнул.

– Да. Наверное, так и есть.

Такси выехало на скоростную трассу. Огни Аликанте остались позади, превратившись в золотистое свечение на горизонте. Впереди простиралась тёмная равнина, упирающаяся в ещё более тёмную полосу моря. Где-то там, на севере, в бархатной тьме, нас ждал шепот. Шепот маленького белого города, где время текло медленнее, где звенела тишина и где стены одного старого отеля хранили историю, способную изменить жизнь. Мы не знали, что нас ждет. Мы

просто ехали навстречу чуду. И уже одно это чувство – летящей в ночи машины, спящей дочки на коленях и сына, размышляющего о чуде, – было тем самым волшебством, которое я искала всю свою жизнь.

Машина остановилась на крошечной площади, вымощенной брусчаткой, такой неровной и отполированной временем, что каждая кочка казалась хранительницей древней истории. Мы выгрузили наши чемоданы – легкие, наспех собранные в Москве, будто мы интуитивно знали, что настоящая ноша в этом путешествии будет не из вещей.

– Спасибо, – сказала я таксисту, расплачиваясь.

– Добро пожаловать в Altea, – улыбнулся он и, махнув рукой, тронулся в путь, оставив нас одних в звенящей тишине утра.

Воздух был густым и сладким, как сироп. Пауза между первым завтраком и вторым, та самая, когда город просыпается неторопливо, без суеты. Прямо перед нами, на другой стороне площади, стоял невероятной белизны собор с тем самым синим куполом, который мы видели с высоты. Он парил над крышами, величественный и уютный одновременно.

А слева от нас, под темно-зеленым навесом, виднелась вывеска: «Restaurants D'els Artistes». Из открытых дверей доносился соблазнительный аромат свежего кофе и выпечки.

– Мам, я есть хочу, – прошептала Сафина, и её слова прозвучали как единственно верное решение.

Мы устроились за столиком на улице, подставив лица ласковому утреннему солнцу. Прямо перед нами возвышалась стена собора, игра света и тени на её древних камнях была завораживающим зрелищем. Официант, подвижный и улыбчивый мужчина с седыми усами, принес нам меню.

– Что бы вам хотелось отведать? – спросил он, и я кивнула, с гордостью понимая, что мы вписываемся в местный ритм, собираясь перекусить во время второго завтрака.

Мы заказали простое, но то, что, как я читала, составляет душу испанского утра. Вскоре на столе появилась плетеная хлебная корзина: несколько видов хлеба – от хрустящей барры до темного, деревенского. Отдельно подали спелые, мясистые помидоры, бутылку зеленого, душистого оливкового масла и тарелку с тонко нарезанной сыровяленой ветчиной, прозрачной, как лепестки.

– А что с этим делать? – с интересом спросил Азиз, глядя на помидоры.

Я показала: нужно взять половинку томата и энергично натереть ею ломоть хлеба, пока мякоть не покроет его алым, сочным слоем. Затем сбрызнуть маслом, посолить крупной солью и свернуть украсить ломтиком ветчины.

– Хлеб с помидорами, – улыбнулся официант, наблюдая за нашими манипуляциями. – Завтрак настоящего испанца!

Дети с восторгом принялись за дело. Азиз с серьезным видом натирал хлеб, а Сафина, испачкав щеки в томатной мякоти, запивала свой кулинарный шедевр холодным апельсиновым соком. Я заказала café con leche – большой, в высокой кружке, с пенкой, пахнущей жареным миндалем и солнцем. Этот вкус – хрустящего хлеба, кисло-сладкого томата, терпкого масла и соленой ветчины, запитый глотком горячего кофе, стал для меня настоящим вкусом Altea. Вкусом начала.

Подкрепившись и наполнившись ощущением безмятежного счастья, мы отправились бродить. Центр Altea – это лабиринт. Лабиринт из белого камня, синих дверей и оконных ставен, цветастых горшков с геранью и бугенвиллией, свисающих с балконов феерическими каскадами. Улицы были настолько узки, что местами можно было коснуться стен обеими руками. Они то поднимались круто вверх, превращаясь в лестницы, то неожиданно выводили на маленькие, скрытые от посторонних глаз площади-мирадоры, с которых открывались умопомрачительные виды на бескрайнюю лазурь моря, усыпанную белыми яхтами.

Повсюду были арки, арки в стенах, ведущие в тенистые внутренние дворики, где слышался плеск фонтанов. Мы шли медленно, растворяясь в этом бело-синем царстве. Дети бежали вперед, их смех эхом отзывался под древними сводами. Здесь не было ни одного угла, который не был бы прекрасен. Каждая дверь, каждый фонарь, каждый цветок казались частью одного грандиозного художественного замысла.

Но в душе у меня тихо звучал другой зов. Тот, что привел нас сюда. Пора.

Мы поймали новое такси на смотровой площадке у церкви.

– Куда едем? – спросил водитель.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как сердце замирает в груди.

– Altaia, если я не ошибаюсь, – я запнулась, не зная правильно ли произнесла название. – Тот, что с историей.

Водитель улыбнулся, кивнул, словно таких вопросов он слышал множество.

– Понял, сеньора. Можем ехать?

И мы поехали. Оставляя за спиной ослепительный белый город, мы направились к бухте, где нас ждала обещанная легенда.

Глава 2: Первый вздох отеля

Такси, мягко покачиваясь на неровностях дороги, выехало из лабиринта улочек и покатило по извилистой трассе, огибающей склон. Справа, внизу, плескалось море, такое близкое, что, казалось, можно протянуть руку и коснуться его лазурной глади. Мы проехали всего несколько минут, когда водитель жестом указал вперед.

– Вот отель, который вы искали. Хорошего отдыха!

Я прислонилась к стеклу, и сердце забилось чаще. Впереди, на склоне холма стоял отель. Он был невысоким, двухэтажным и ослепительно белым, будто его только что окунули в известковое молоко и высушили на самом ярком солнце. Эта белизна была не холодной, а теплой, сияющей, как внутренний свет. Плоская крыша сливалась с общим силуэтом, чистым и лаконичным.

Между отелем и морем лежало расстояние метров в двадцать-тридцать – неширокая полоса земли с тёмной галькой и колышущимися на ветру прибрежными травами. А уже за ней начиналось море – невероятно прозрачное, играющее всеми оттенками от нежно-изумрудного у берега до глубокого, бархатного сапфира на глубине.

Перед входом, на просторной светлой террасе, вымощенной камнем, стояли столики. Несколько пар уже сидели за завтраком, и с этой высоты они казались частью мирной, умиротворённой картины. На фасаде кое-где проглядывали аккуратные балкончики, тоже выкрашенные в белый, будто само здание раскрывалось навстречу свету и воздуху. Всё здесь – от безупречной белизны стен до безмятежной водной глади в отдалении – дышало таким глубоким спокойствием, что мне сразу же, ещё в машине, захотелось выдохнуть всё накопленное напряжение и остаться здесь если не навсегда, то как можно дольше.

Мы вышли из машины. Воздух был насыщен запахом морской соли, жасмина и свежемолотого кофе. Шум прибоя – негромкий, ритмичный – был похож на биение огромного, спокойного сердца. Мы постояли с минуту, просто впитывая это ощущение, а потом взяли чемоданы и направились ко входу.

Войдя внутрь, я на мгновение ослепла. Холл был залит солнцем. Огромные арочные окна от пола до потолка открывали вид на террасу и море, превращая стену в живую, постоянно меняющуюся картину.

Солнечные зайчики прыгали по светлому кафельному полу, по стенам, выкрашенным в теплый белый цвет, по простой, но изящной мебели. И сквозь открытую арку ворвался морской бриз, легкий, соленый, наполняющий все пространство ощущением свежести и свободы.

Из-за стойки ресепшена, утопающей в бумагах, поднялась женщина. И в тот же миг все остальное отошло на второй план.

Она была средних лет, но в ее глазах цвета морской волны светилась такая молодая, озорная энергия, что дать ей возраст было невозможно. Ее светлые, волнистые волосы были распущены, красиво струясь по плечам. На ней было простое льняное платье, а на ногах – сан-

далии. Она улыбнулась, и эта улыбка была настолько открытой и лучистой, что я инстинктивно улыбнулась в ответ.

– Здравствуйте! – сказала она по-русски с легким, мелодичным акцентом. – Я Тереса. Добро пожаловать. Мы вас ждали.

Эти слова – «мы вас ждали» – прозвучали не как формальность, а как констатация факта. Она вышла из-за стойки и протянула мне руки, взяв мои в свои. Ее ладони были теплыми и шершавыми, как бывает от морской воды и солнца.

– Я Азиза, а это мои дети, Азиз и Сафина, – представилась я, чувствуя странное ощущение, будто встречаю старшую сестру, которую не видела сто лет.

– О, какие прекрасные имена! – Тереса опустилась на корточки, чтобы оказаться на одном уровне с Сафиной. – Тебя зовут как маленькую принцессу из старинной сказки. А ты, – она подняла взгляд на Азиза, – похож на молодого принца, который ищет свои владения. Вы приехали как раз вовремя. У нас сегодня море решило показать весь свой характер – оно особенно красивое.

Она поднялась, и ее глаза встретились с моими.

– Вы устали с дороги? Я чувствую, это было долгое путешествие.

В ее взгляде была такая глубокая, безоценочная понимание, что мне захотелось рассказать ей все – и про серую Москву, и про вечные командировки мужа, и про старика-художника в Барселоне. Но я лишь кивнула.

– Да, немного. Но это того стоило.

– Конечно стоило, – уверенно сказала Тереса. – Раз вы здесь, значит, так и должно было случиться. Пойдемте, я покажу вам ваш дом. На время, – улыбнулась она, и в уголках ее глаз собрались лучики морщинок.

Она повела нас по прохладному, залитому светом коридору, мимо дверей. Наш номер располагался на втором этаже. Тереса открыла дверь ключом с тяжелой бронзовой бляхой.

Комната оказалась такой же, как и все здесь – просторной, светлой и наполненной морем. Большая кровать под балдахином из белого муслина, диван для детей, комод из темного дерева и – то, от чего мы все ахнули, – французский балкон с ажурной решеткой, выходящий прямо на морскую гладь. Казалось, можно было шагнуть с него и полететь над водой.

– Вот, – Тереса распахнула створки. – Ваше личное море. Отдыхайте, приходите вниз, когда захотите. Обед подают до четырех.

Она ушла, оставив нас в объятиях этой комнаты. Мы молча стояли у балкона, слушая шум прибоя и крики чаек. Даже Азиз, обычно сдержанный, выглядел потрясенным.

– Мам, – тихо сказала Сафина, – это самый лучший дом в мире.

Мы распаковали вещи, и это заняло всего несколько минут. Вещей было мало, и это ощущение легкости, свободы от лишнего груза, было невероятно приятным. Мы смыли с себя дорожную пыль и усталость и, повинуясь зову желудков, спустились вниз, в ресторан отеля.

Он располагался на той самой террасе, которую мы видели снаружи. Мы сели за столик у самого края, так, что брызги волн иногда долетали до наших ног. Официант, молодой парень с загорелым лицом, посоветовал взять рыбу дня.

– Ее поймал сегодня утром мой отец, – сказал он с гордостью. – Дорадо на гриле со свежими овощами.

Мы согласились. То, что принесли нам через двадцать минут, не поддавалось описанию. Рыба… она таяла во рту, обладая каким-то невероятно нежным, сладковатым вкусом, который оттеняла лишь щепотка морской соли и капли лимона. Овощи – помидоры, кабачки, перец – пахли солнцем и землей. Мы ели молча, почти благоговейно, и я понимала, что никогда в жизни не ела ничего вкуснее. Это была не просто еда. Это был вкус этого места, этого дня, этого моря.

– Мама, а когда мы узнаем загадку? – не унималась Сафина, облизывая пальцы. – Ты же обещала! Про волшебный отель!

– Обязательно узнаем, солнышко, – обещала я. – Но давай сначала освоимся, отдохнем с дороги. Всему свое время.

После обеда мы решили прогуляться. Набережная здесь была крошечной – всего несколько десятков метров, усыпанных мелкой галькой. Мы шли босиком, и гладкие, теплые камушки приятно массажировали ступни. Чайки с криками носились над головой, выпрашивая еду. Воздух был чист и прозрачен, и дышалось так легко, будто груз с плеч свалился сам собой.

Мы нашли маленькую лавочку, где пожилая женщина продавала фрукты с собственного сада. Мы набрали целую сумку – пупырчатых апельсинов, тяжелых авокадо, винограда, темного и сладкого, как мед. Это будет наш ужин.

Вернувшись в номер, дети устроились на диване – Азиз с телефоном, Сафина с планшетом, но они не играли, а просто показывали друг другу какие-то картинки и смеялись. Я вышла на балкон, облокотилась о прохладную кованую решетку и смотрела на море.

Оно менялось с каждой минутой. Солнце клонилось к закату, окрашивая воду в золотые и розовые тона. Где-то там, далеко-далеко, за горизонтом, был он. Тед. Мой муж, который не звонил уже несколько дней. «Объект», «нет связи». Эти слова, которые раньше вызывали лишь легкое раздражение, теперь кольнули с новой силой. Я представила его здесь, рядом со мной. Как бы он стоял, обняв меня за плечи, и молча смотрел на закат. Как бы он оценил эту простую, совершенную еду. Как бы его напряженное лицо наконец расслабилось.

«Тебе бы здесь понравилось», – подумала я, обращаясь к нему мысленно. – «Здесь нет командировок, отчетов и дедлайнов. Здесь есть только море, солнце и время. Время, чтобы просто быть».

Тихий смех детей доносился из комнаты. Где-то внизу звенела посуда – Тереса и ее команда готовились к ужину. Море шептало свою вечную колыбельную. И в этом шепоте, в этом свете, в этой пронзительной красоте было столько горькой сладости. Потому что я была здесь, в самом сердце чуда, а часть моего сердца, та, что билась в такт с его сердцем, была где-то далеко, в неизвестности.

Я закрыла глаза, вдохнула соленый воздух и позволила тишине отеля обнять меня. Загадка ждала своего часа. А пока что нужно было просто жить в этом моменте. Дышать. И надеяться.

Дети сдались первыми. Сладкое истощение после дороги, морского воздуха и впечатлений сковало их тела тяжелой, приятной усталостью. Сафина заснула, не успев дослушать сказку, с разметавшимися по подушке темными волосами и приоткрытым, как у птенца, ртом. Азиз боролся со сном дольше, уткнувшись в экран телефона, но вскоре и его веки слиплись, телефон выскользнул из ослабевших пальцев и мягко упокоился на одеяле.

Я накрыла их, поправила одеяло и погасила свет, оставив гореть лишь маленький ночник у кровати Сафины. Они спали безмятежным, глубоким сном, и одно это зрелище наполняло сердце тихим, щемящим счастьем.

Сама я не чувствовала усталости. Вернее, чувствовала, но она была приятной, желанной, как боль в мышцах после долгой прогулки. Я подошла к распахнутому балкону. Ночное небо Altea заставило меня забыть о дыхании.

Оно было не таким, как в Москве. Не плоским, не высоким и холодным. Оно было куполом, огромным, бархатным, нависшим так низко, что, казалось, можно подпрыгнуть и коснуться его рукой. И звезды... их было несметное количество. Они не мерцали робко, а горели яростно, щедро рассыпавшись по черному бархату, как алмазная пыль. Млечный Путь прочерчивал через все небо широкую, размытую, светящуюся тропу. А посреди этого великолепия висела луна – не холодный серебряный диск, а теплый, почти золотой, огромный шар, от которого по морю струилась дрожащая, живая дорожка света. Та самая «лунная ночь», о которой я где-то читала, но никогда не видела. Она была настоящей, осязаемой, она была здесь.

Я стояла, опершись о косяк, и слушала ночь. Ритмичный, убаюкивающий шум прибоя. Далекий смех с террасы отеля, где, наверное, допивали вино последние гости. Легкий скрип половиц в старом доме. И тишину. Ту самую, звенящую тишину, о которой говорил художник.

Мысли текли медленно, как та лунная дорожка по воде. Загадка отеля... она витала здесь, в этом воздухе, в этих стенах. Я чувствовала ее, как легкое, необъяснимое присутствие. Но стоило мне попытаться сосредоточиться на ней, как на передний план выползала другая, более земная и более горькая тревога. Тед.

Где он? Почему молчит? «Нет связи» – эта отговорка, всегда вызывавшая легкое раздражение, теперь обернулась ледяным комом в груди. В мире, где из любой точки земли можно отправить сообщение, «нет связи» звучало как приговор. Или как ложь. Я отогнала от себя эту мысль, но семя сомнения, посеянное долгим одиночеством, уже давало росток.

Я представила его здесь, на этом балконе. Его сильные руки, обнимающие меня сзади. Его подбородок на моей голове. Его молчаливое восхищение этим небом. Ему бы здесь понравилось. Или нет? Не стал бы он скучать по гулким аэропортам, по многочисленным сделкам?

Усталость наконец накрыла меня с головой. Она смешала в клубящийся туман яркие звезды, лунный свет, шепот моря, образ мужа, растворяющийся в темноте, и смутное предвкушение разгадки. Последнее, что я помнила, – это как потянулась к ручке балконной двери, чтобы закрыть ее, но не смогла преодолеть магию этой ночи.

Я заснула, не дойдя до кровати, в кресле у окна, под бархатным, усыпанным алмазами небом Altea. И мой сон был таким же смешанным и тревожным: мне снилось, что я бегу по лунной дорожке через море, чтобы найти Теда, а с берега за мной наблюдает Тереса и что-то кричит, но шум прибоя заглушает ее слова. И над всем этим парил старый отель, хранящий свою тайну, обещая отдать ее, если я отгадаю, где прячется мое затерявшееся счастье.

Глава 3: Утро, вплетенное в свет

Еще до того, как сознание полностью вернулось ко мне, я ощутила тишину. Не ту, что от пустоты, а плотную, бархатную, наполненную дыханием моря и легким поскрипыванием старого дома. Я открыла глаза. В комнате царил сизый, предрассветный полумрак, и лишь узкая полоска света над горизонтом обещала новое чудо. Дети спали, сметенные вчерашними впечатлениями: Сафина, раскинувшись звездочкой, Азиз, свернувшись калачиком, укрылся одеялом с головой.

Осторожно, как вор, крадущий драгоценные минуты покоя, я накинула халат и выскользнула из номера. Притворив за собой дверь, я прислонилась к косяку и закрыла глаза, вдыхая воздух коридора. Он был прохладным и пах старым деревом, воском для пола и едва уловимым ароматом кофе, доносящимся с ресторана.

Я решила обойти отель по кругу, не спускаясь сразу в холл. Узкий коридор второго этажа вел мимо дверей других номеров, за которыми царила такая же тишина.

Холл встретил меня первыми лучами солнца. Они врывались длинными, косыми прутьями сквозь огромные стеклянные автоматические двери, на которых стильным шрифтом переливалось «Altaia». Свет был таким плотным и насыщенным, словно это было не освещение, а густой, жидкий мёд, заливающий пространство.

Солнечные зайчики, отплясывая на тёмно-серой плитке с причудливыми светлыми вкраплениями, выхватывали из утреннего полумрака детали: мягкий изгиб жёлтого диванчика, словно кусочек солнца, забытый в помещении, глянцевую поверхность белой, стильной барной стойки, где уже выстроились в ряд блестящие кофейные машины. Воздух был густым и томным, сотканным из ароматов свежеиспеченного хлеба, доносившихся из глубин отеля, горьковатой свежести только что смолотых зёрен для эспрессо и сладкого, пьянящего дыхания цветущего жасмина из патио.

Я шла медленно, как по музею, где каждый снимок был не просто картинкой, а остановившимся дыханием времени. Стены холла, залитые утренним светом, были испещрены памятью. Простые деревянные рамки хранили целый мир: вот черно-белые парусники, застывшие в шторме, их силуэты – сама неспешная элегия моря. Вот рыбацкие лодки, вытащенные на гальку, и мужчины с лицами, высеченными ветром и солью, чинящие сети; в их сосредоточенности читалась вся суть этого берега. А вот люди – смеющаяся пара на террасе, которая сейчас залита тем же солнцем, компания за столом, их радость такая осязаемая, что, кажется, слышен смех. И среди них – сам отель, снятый много лет назад, еще более белоснежный и новый, но уже с тем же гостеприимным взглядом распахнутых дверей. Каждый кадр был тихим рассказом, шепотом прошлого, вплетенным в настоящее. А между ними висела картина, от которой я не смогла отвести глаз.

Она была написана акварелью. Легко, воздушно, с какой-то нежной, почти небрежной точностью. На ней был изображен парусник, застигнутый штилем. Его белые паруса были неподвижны, а море сливалось с небом в единой, размытой, молочно-голубой дымке. Но не техника заставляла сердце сжиматься, а подпись в углу – неуверенная, дрожащая, словно рука не решалась оставить свой след: "Для моей Тересы. Корабль моих мечтаний".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.